

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81–114. 2

DOI 10.52452/19931778_2021_5_168

СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ИЗМЕНЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2021 г.

*А.Р.М. Аль Хаснави¹, Р.А. Аль-Фоади²*¹Университет Ти-кара, Республика Ирак²Багдадский университет, Республика Ирак

ali88.2000@utq.edu.iq

Поступила в редакцию 01.11.2020

Рассматривается структура высказываний с семантикой изменения, основой формирования которых является структурная схема простого предложения «кто/что изменяется». Характер изучаемого материала обусловил выбор методов исследования: описательного метода, метода количественного анализа с приемом статистической обработки полученных результатов исследования и их сопоставлений и метода контекстуального анализа высказываний. Большое внимание уделяется проблеме классификации глаголов изменения, формирующих данную схему, выявлению их сочетаемости с разными номинантами в позиции субъекта, а также специфике функционирования временных форм пропозиционального предиката. Выявлена продуктивность двухкомпонентной структурной схемы «кто/что изменяется», представленной субъективом и объективом.

Ключевые слова: изменение, схема, неактуальная семантика, объективная модальность, субъективная модальность, внутрисинтаксическая модальность.

Постановка проблемы

Современную лингвистику в настоящее время можно рассматривать как лингвистику расширения, поскольку она установила тесные связи с другими науками: антропологией, нейронаукой, кибернетикой и т.д.; как лингвистику антропоцентризма и когнитивизма в связи с тем, что основным субъектом ее исследования является человек – носитель языка; как лингвистику функционализма, так как она изучает разнообразные функции, выполняемые языком, пытаясь объяснить их различную множественность.

Как лингвистический принцип функционализм основан на ряде предположений, часто отличающихся от понимания цели языкового научного описания, установленного в традиционных школах. Прежде всего это изучение языка в действии, в его функциях. Поэтому объектом лингвистики является не язык (в понимании Соссюра), а речь и язык, которые признаются онтологически унифицированным явлением. Ориентация на речь, в частности, на высказывание, дискурс, заставляет нас пересмотреть теорию иерархической организации языка: необходимо переупорядочить единицы языка не

по позиции в общей иерархической системе, а по их внутренним функциям [1].

Становясь ведущими общими научными принципами современной лингвистики, антропоцентризм и функционализм во многом определяют дальнейшее развитие лингвистики и в то же время изменяют представления о целях и задачах научных исследований. Эти изменения в первую очередь связаны с отказом от строгих, категориальных схем описания языка, чисто таксономического подхода к анализу языковой системы [1].

Появление в научных кругах когнитивной лингвистики, в основе формирования которой лежит антропоцентрическая парадигма, подходящая к языку как к «миру, лежащему между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2, с. 304], способствовало «перемещению» исследовательского интереса с языка «для себя», с его «имманентной структуры» [3] на функционирование языка, на отражение мыслительной деятельности человека в языке, на роль языка в жизни человека.

Проблема взаимоотношения языка и внеязыкового мира имеет давнюю традицию семантических изысканий. Однако только в последнее

время наиболее последовательно предпринимаются попытки осмыслить отражение в языке национально-специфического видения мира на основе антропоцентрического и когнитивного подходов, т.е. ставится вопрос об объективации в лексике языка мыслительного содержания представлений о мире данного этноса.

Каждый язык членит объективную действительность особым, присущим ему способом. Соответственно, в разных языках закрепляется своя специфическая картина мира. «Язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый язык – свою» [4, с. 5].

Цель исследования – выявить компонентный состав, лексическое наполнение, описание модального компонента высказываний со значением изменения, основной построений которых является структурная схема «кто/что изменяется».

Актуальность исследования определяется важной ролью изучения языковых единиц, объективирующих изменение в языковой картине мира. Новизну исследования обуславливает тот факт, что многоаспектное и комплексное изучение компонентного состава, лексического наполнения и специфика модального компонента в содержательной структуре высказывания со значением изменения не попали в поле зрения лингвистов, скорее, недостаточно изучены.

Эмпирической базой исследования послужили тексты произведений таких русских писателей, как И.А. Бунин, Ф.М. Достоевский, М.М. Пришвин, К.М. Симонов, А.П. Чехов. Высказывания, вербализующие структурную схему «кто/что изменяется», многочисленны и составляют 750 примеров – 18.7% от общего количества предложений (4000), реализующих сему 'изменение'.

Выделенная нами схема по своему составу двухкомпонентна. Она представлена словоформами со значением субъекта (субъектив) и словоформами со значением предиката (предикатив). Позиция *чем* обычно не реализуется, так как «изменение совершается, целостно всем телом, всей душой, всей массой, всем объемом, всей поверхностью объекта» [5]. Она вызывает интерес лишь в случае необходимости уточнить аспект изменения [5].

Лексическое наполнение структурообразующего компонента схемы «кто / что изменяется»

В качестве структурообразующего центра анализируемой схемы выступают глаголы изменения. Под глаголами изменения мы понимаем те глаголы, главной семой в семантике кото-

рых является сема 'изменение' наряду с потенциальными семами, дифференцирующими значение глагола. Понятие 'изменение' определяется «как процесс перехода объекта во времени от одного состояния к другому путем сложения или разложения чего-либо в нем» [6, с. 13]. Глаголы изменения отображают изменения, происходящие в человеке, в его сознании, в характере, во внешности, в мироощущении и т.п. или в объектах окружающего его мира.

Сказанное позволяет отнести к глаголам изменения глаголы с типовой семантикой 'приобретать, приобрести какие-л. физические признаки, становиться каким-л. по форме, цвету, структуре и т.п.', 'делать, сделать что-л., делаться, сделаться больше, крупнее, значительнее и т.п. или меньше по величине, объему, количеству, продолжительности, значимости и т.п.'. В материале нашего исследования нами выделены следующие глаголы изменения, формирующие структурную схему «кто/что изменяется»: *багроветь, белеть, бледнеть, блекнуть, брюзгнуть, буреть, впадать, выздоравливать, высыхать, вытягиваться, глхнуть, делаться, дремать, ежиться, желтеть, загорать(-ся), замерзнуть, замирать, застывать, засыпать, засыхать, зеленеть, золотиться, изменяться, изнывать, искажаться, искривляться, иссыхать, краснеть, леденеть, лиловеть, лысеть, меняться, мерзнуть, накрываться, неметь, обостряться, обсыхать, оживать, опухать, остолбенеть, осунуться, оттаивать, оцветиться, перекашиваться, пересыхать, полнеть, преобразиться, прищуриваться, промокать, просыпаться, просыхать, разбухать, разглаживаться, раскисать, раскраснеть, расти, растрескиваться, расширяться, редеть, румянить, рыжеть, сгибаться, сгнивать, сесть, серебриться, сереть, сжиматься, синеть, скончаться, слабеть, слепнуть, сморщиться, стареть, стариться, суживаться, таять, темнеть, толстеть, тощать, тускнеть, убывать, улучшаться, уменьшаться, умирать, усиливаться, уставать, утомляться, хмуриться, холодеть, хорошеть, хрометь, худеть, чернеть и др.*

В зависимости от вида подвергающегося изменению объекта все перечисленные глаголы расчленяются на глаголы, объективирующие изменение внешнего вида: 1) человека: *толстеть, хмуриться, худеть* и др.; 2) представителя животного или растительного мира: *замирать, просыпаться, расти* и др.; 3) неодушевленной сущности: *засыхать, расти, сжиматься, слабеть* и др.

Каждая из этих групп дифференцируется на глаголы с учетом генетической природы подвергающегося изменению объекта.

Глаголы первой группы дифференцированы на глаголы, характеризующие: а) возрастные изменения человека: компоненты синонимического ряда со значением ‘становиться старым или старее, чем ранее, утрачивая внешний вид’: *стареть, стариться, седеть* ‘становиться седым из-за изменения (обычно от старости или болезни) изначальной окраски волос’; б) изменение степени полноты/неполноты, здоровья/нездоровья человека: *брюзгнуть* (разг.) ‘становиться болезненно толстым, отечным, с обвисшей кожей’, *выздоровливать* ‘приходить в состояние здоровья (нормального функционирования организма) после болезни’, *заболеть* ‘приходить в состояние болезни – нарушения нормальной жизнедеятельности организма’, *оживать* ‘приходить в состояние здоровья и бодрости’, *осунуться* (разг.) ‘стать худым, усталым, болезненным’; компоненты синонимического ряда со значением ‘становиться упитанным, полным, набирая вес’: *полнеть, толстеть, тощать* ‘становиться очень худым (тощим), исхудалым, сухим, теряя в весе’, *худеть* ‘становиться худощавым или менее полным, чем ранее, теряя в весе’; в) изменение цвета: *багроветь* ‘становиться багровым, приобретать багровый цвет’, *белеть* (перен.) ‘становиться белым или более белым’, *бледнеть* ‘становиться бледным или бледнее’, *блекнуть* ‘становиться блеклым или более блеклым’, *загорать(-ся)* ‘изменять цвет кожи на темный, смуглый под воздействием солнечных лучей’ и др.; г) изменение его размера, величины: *ежиться* ‘сутулясь, сжиматься всем телом (от холода, стеснения)’, *расти* ‘становиться больше ростом, длиннее, выше, увеличиваться в результате жизненного процесса’, *сжиматься* ‘уменьшаться, группируясь, сутулясь, подобрав конечности’; д) изменение внешней его формы или изменение, связанное с нарушением одного из основных органов чувств: *глохнуть* ‘становиться глухим, теряя способность слышать’; компоненты синонимического ряда со значением ‘становиться иным, отличным от имеющегося или имевшегося, приобретая другую форму’: *изменяться, меняться, лысеть* ‘становиться лысым из-за прогрессирующего впадения волос на голове’, *хмуриться* ‘становиться хмурым, угрюмым, наморщив лоб, сдвинув брови’, *слепнуть* ‘становиться слепым или слабовидящим, теряя способность видеть’, *хорошеть* ‘становиться красивым, привлекательным или ещё более красивым, более привлекательным’, *хрометь* (разг.) ‘становиться хромым, припадать на одну ногу, лишившись из-за больной или укороченной ноги правильной прямой походки’; е) изменение физиологического или фи-

зического состояния: *дремать* ‘находиться в состоянии полусна, забываться’, *замерзать*, ‘приходить в состоянии физического дискомфорта от холода или находиться в таком состоянии’, *замирать, застывать* ‘приходить в состояние неподвижности, неспособности к произвольным движениям под влиянием сильного ощущения, переживания’, *засыпать* ‘приходить в состояние сна – периодически возникающего состояния покоя и отдыха, при котором обычно закрываются глаза и частично прекращается работа сознания’; компоненты синонимического ряда со значением ‘приходить в состояние усталости’: *изнывать, уставать, утомляться, иссыхать* (перен.) ‘томиться, изнывать от горя, тоски’, *просыпаться* ‘приходить в состояние бодрствования после сна’; *скончаться, умирать* ‘выходить из состояния жизни’; ё) изменение силы: *слабеть* ‘становиться недостаточно мощным, незначительным, небольшим по силе, напряженности’; ж) изменение его температуры: *холодеть* ‘становиться холодным или более холодным’.

В составе второй группы выделены глаголы, характеризующие изменение состояния: а) животного: *замирать* ‘прекращать движение, становиться неподвижным, перестав двигаться, затаив движение’, *лысеть* (разг.) – перен. ‘иметь лысину – белое пятно на лбу’, *морщиться* ‘морщить лицо, делая гримасу, выражающую жалость’, *расти, худеть* (их значения см. выше), *хрометь* (разг.) (см. выше); б) птиц: *замирать, просыпаться* (см. выше); *толстеть* ‘становиться толстым, полным, приобретая лишний вес’, *уставать* (см. выше); в) насекомых: *замирать* (см. выше), *просыхать* ‘становиться сухим’.

Глаголы, маркирующие изменение состояния предмета, можно разделить на глаголы, характеризующие изменение: а) его цвета: *желтеть* ‘становиться жёлтым или более жёлтым’, *зеленеть* ‘становиться зелёным, зеленее’, *лиловеть* ‘становиться лиловым или более лиловым’, *золотиться* ‘приобрести золотистый цвет, оттенок’, *краснеть* ‘становиться красным, краснее’, *румянеть* ‘становиться румяным’, *сереть* ‘становиться серым или более серым’, *тускнеть* ‘становиться тусклым, тусклее’ и др.; б) степени его полноты/неполноты, здоровья/нездоровья: *брюзгнуть* (лицо) – разг. (см. выше), *впадать* (щека) ‘становиться впалым; ввалиться’, *осунуться* (лицо) – разг. ‘измениться в худшую сторону, стать худым, заостренным’, *полнеть, худеть* (см. выше); в) его размера, величины: *вытягиваться* (губа) ‘увеличиваться в длину, становиться длиннее, принимая вытянутую форму’, *опухать* (рука) ‘увеличиваться в объеме, размерах, становясь болезненно вздутым, в результате болезни, усталости

или отрицательного физического воздействия’, *расти* ‘увеличиваться в размерах, становится длиннее, в результате жизненного процесса’, *разбухать* (куртка) ‘увеличиваться в размерах, объеме от влаги’, *расширяться* (дырочка) ‘увеличиваться в ширину, становится более широким или обширным в своих границах, пределах’, *сжиматься* (кулак) ‘уплотняться, уменьшаться в объеме при нажиме, под давлением’, *убывать* (вода) ‘уменьшаться в количестве, величине, уровне, силе’, *суживаться* (глаз) ‘уменьшаться в ширину, становясь уже’, *уменьшаться* (месяц) ‘становиться меньше по величине, объему’; г) его физического качества: *гнить* (остатки бревен) ‘становиться гнилым (испорченным или разрушенным действием микроорганизмов), подвергаясь органическому разложению’, *высыхать* (ручей) ‘лишаться воды; иссыхать’, *засыхать* (ель) ‘становиться сухим, увядать, гибнуть от недостатка влаги’, *замерзать* (рука) – разг. ‘очень сильно зябнуть’; *леденеть* (земля) ‘становиться очень холодным, остывая, превращаясь в лед или покрываясь льдом’, *морщиться* (гречиха) – перен. ‘покрываться складками, съеживаться, корчиться’, *оттаивать* (туша оленя) ‘под воздействием тепла выходить из замороженного состояния’: *таять* (мох) – (перен.) ‘исчезать постепенно, становясь незаметным, подобно весеннему снегу, медленно исчезающему под воздействием огня’, *глохнуть* (колокольчик) (перен.) ‘делаться неслышным; затихать’; д) изменение внешней его формы: *изменяться* (лицо) (см. выше), *искажаться* (лицо) ‘изменяться резко и неприятно или страшно, теряя обычный естественный вид вследствие тяжелого переживания’, *искривляться* (лицо) ‘изменять свою форму, контуры, очертания, становясь кривым, изогнутым, перекошенным’, *обостряться* (черты лица) ‘становиться тоньше, угловатее; заостряться’, *перекашиваться* (губа) – разг. ‘судорожно искривляться от неприятного, тяжелого переживания, впечатления’, *неметь* (рука) – (перен.) ‘утрачивать чувствительность; цепенеть’, *преображаться* (лицо) ‘значительно изменяться в лучшую сторону, получая новый, другой образ, форму, вид’; е) изменение его силы: *слабеть* (рука) (см. выше); ё) его густоты: *редеть* (борода) ‘становиться редким или более редким’;

Глаголы с постфиксом *-ся*, входящие в данную схему, являются более поздними по образованию. Они объективируют «ту же семантику самопроявления феномена, самостоятельного изменения своего состояния, своего внешнего вида и других своих характеристик, что воспринимается наблюдателем» [5, с. 67].

Лексическое наполнение субъектного и объектного компонента

Вторым конститутивным компонентом анализируемой структурной схемы выступает субъектив со значением агенса. Агенса, подвергающимся изменению, могут быть одушевленные (в позиции «кто») и неодушевленные (в позиции «что») предметы.

В позиции «кто» выступают:

– наименования конкретных лиц, представленных именами собственными, их субституентами: *Миусов* еще больше наморщился (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); *Она* (Лика) похудела, одета была скромно (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева);

– номинации, характеризующиеся: по родству (*дядя, жена, мамаша, отец, папаша, сестра, сынишка*), полу и возрасту (*девочка, дитя, молодой, старик*), силе (*крепьши*), состоянию здоровья (*больной*), национальной принадлежности (*кореец*), чертам характера (*трусиха*), совокупности лиц (*публика*), общему обозначению лица (*человек*), перемене места жительства (*гость*), сословному положению (*барон, князь, княгиня*), совпадению, сходству в возрасте (*сверстник*), совместному состоянию, партнерству (*спутник*), официальной должностной деятельности (*чиновник*), участию в сфере искусства, творчества (*дирижер*), в сфере просвещения, обучения (*гимназист*), религии (*поп*), в военной сфере (*генерал, майор, полковник*), промышленной сфере (*охотник*); *Дядя уж проснулся, вышел, зевает, насупился – она, говорит, не к этому делу приставлена, не может подавать* (И.А. Бунин. Темные аллеи); *Генерал побагровел и вспыхнул* (Ф.М. Достоевский. Идиот); *Дирижер совсем раскис и поцеловал ее руку* (А.П. Чехов. Два скандала);

– номинации домашних животных (*собака*), парнокопытных (*олень, рогач*) и хищных непарнокопытных млекопитающих (*енот*), грызунов (*бобр*), домашних и диких птиц (*грач, гусь, кукушка, утка, цур*), насекомых (*бабочка, муравей*): *Почему собака моя любимая охромела? Нет, я не спрашивал, я сам знаю: рогач худеет оттого, что не ест почти ничего и ревет* (М.М. Пришвин. Дорогие звери).

Позицию «что» занимают:

– наименования растений, их частей и совокупностей (*береза, бор, дерево, елка, ива, картофелина, кочка, лес, лилия, лопух, луг, ольха, сосна, трава, черемуха, корень жень-шеня* и др.), частей тела человека или туловища животного (*бедро, борода, голова, желудок, живот, кожа, колено, кулак, лицо, лоб, локоть, нога,*

рог, рот, рука, тело, щека и др.), временных, перевозных, переносных жилищ (*палатка*), одежды (*куртка*), состояния почв (*грязь*), водного пространства (*вода, озеро, пруд, ручей*), обуви (*калоши*), небесного светила (*солнце*), атмосферных осадков (*лед, иней, снег, сосулька*), местонахождения насекомых (*муравейник*): *Да уж... – сказала женщина, и лицо ее исказилось так, словно она готова была заплакать* (К.М. Симонов. Солдатами не рождаются); *Озеро надулось, посинело, что мертвец* (М.М. Пришвин. В краю непуганых птиц); *Иней на окнах посерел, стал скучный* (И.А. Бунин. Безумный художник); *Осмотрев через зеркало его горло, я заметил у самых голосовых связок картофелину величиною с куриное яйцо; картофелина уже разбухла и дала ростки* (А.П. Чехов. Картофель и тенор).

Субъект также маркирован словами, именующими вещества (*сок*), названиями по отношению к месту (*дырочка*): *Мало-помалу от толчков лодки о бревна Петина дырочка для дыхания расширяется, открывается весь лоб, и я вижу, там сидит довольно большой паук* (М.М. Пришвин. Берендеева чаша).

Невербализованную позицию «чем» занимают номинанты мимического движения (*улыбка*), основных процессов жизнедеятельности (*сон*): *Нос его залоснился, покраснел и поморщился улыбкой* (А.П. Чехов. Справка); *Раставившись поздно вечером с Анхен, сладко замученный бесконечным прощанием с ней, я, придя домой, тотчас же проходил в кабинет и засыпал мертвым сном с мыслью о завтрашнем свиданье* (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Материал показал, что сочетаемость одних глаголов изменения с номинантами в позиции субъектива различна. Широко представлена сочетаемость одних глаголов, тогда как сочетаемость других ограничена. Это объясняется наличием у сочетаемых слов, помимо семы категориального значения, выполняющей функцию связующего компонента, любой семы, общей по меньшей мере с двумя семантемами. В рамках концепции синтагматического взаимодействия значений В.Г. Гака, такую общую сему можно называть синтагмой [7]. «Связующая роль такого компонента проявляется в том, что он обнаруживается в синтаксических группах субъект – глагол, глагол – объект, определяемое – определение, иногда даже и субъект – объект» [7]. Глагол *высыхать* и его дериваты, например, сочетается с номинантами (*береза, вода, грязь, пруд, слеза, ручей*) на основе синтагмемы *вода*, находящейся в семантемах перечисленных номинантов и глагола: *Но ручей не высох* (А.П. Чехов. Ненужная победа).

Для глагольной лексемы «выбор сочетающихся слов зависит от определенного семантического компонента в структуре значения данного глагола» [8, с. 78] или, по мнению А.А. Уфимцевой, в значении глагольной лексемы указывается на отношение глагольного действия к субъекту и объекту, поскольку глаголы выражают понятие отношения, связи [9]. Кроме того, употребление глаголов в прямом значении ограничивает их сочетаемость с определенными лексико-семантическими классами имен.

В исследуемых нами текстах глагол-предикатив *худеть* сочетается с номинантами как живых (*человек, барс*), так и неживых объектов (*рука, нога*), так как семантический компонент одушевлённость/неодушевлённость существует в семантической структуре глагола и сочетаемой с ним лексемы. Глагол-предикатив *выздоровливать* сочетается только с наименованиями живых объектов, потому что он употреблен в прямом его значении.

Продуктивность глаголов изменения в формировании схемы «кто/что изменяется» различна. Самыми продуктивными являются лексемы: *бледнеть* (95 высказывания из общей выборки, или 12.6%, – это, на наш взгляд, определяется потребностью в обозначении многочисленных объектов окружающей действительности, как живых, так и неживых); *замирать* (42 – 5.6%); *проснуться, худеть* (33 – 4.4%). Остальные глаголы менее продуктивны в функционировании: *сморщиться* (10 – 1.3%); *толстеть* (7 – 0.9%); *опухать* (2 – 0.2%); *изнурять* (1 – 0.1%).

Модальный компонент высказываний, в основе построения которых лежит структурная схема «кто/что изменяется»

Речевая реализация названной схемы приводит к формированию модальности высказывания, теоретические положения о которой в современной русской лингвистике сформулированы В.В. Виноградовым. По словарным дефинициям модальность рассматривается как «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности» [10, с. 237]; «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности» [11, с. 303]. Она выступает как фундаментальная, центральная семантическая категория [12], без которой «нет предикативного отношения, которое модально по своей природе» [13, с. 142].

Выявление объективной (предикативной) модальности

С учетом роли модального компонента и его модальной семантики в формировании предложения, модальность дифференцируется на объективную и субъективную [14; 15], или «эпистемическую» [16–21].

Модальность, соотносящая содержание высказывания с отрезком реального мира, характеризующая его как реальное или ирреальное и формирующая предикативную ось предложения, традиционно называется объективной [22]. Основным маркером объективной или, по терминологии других лингвистов, предикативной [22], грамматической модальности [23–25] являются глагольные формы наклонения и времени.

Субъективной считается модальность, объективирующая отношение говорящего, автора высказывания, к пропозициональному содержанию высказывания. Образуя «как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания», она накладывается на предикативную модальность, обогащая ее новыми модальными семами [26]. Показателями субъективной модальности служат модальные модификаторы глагольного и именного типа.

Переходим к рассмотрению обеих разновидностей модальности.

В анализируемых текстах превалирует предикативная модальность.

Речевая реализация инварианта схемы составляет 6.4% (50 примеров). Синтаксическая форма настоящего времени предиката реализует актуальную (наличную, конкретную) темпоральную семантику: *Нельзя, но позвольте... Дождалась очереди, сейчас приемщик берет пакет, хмурится и бросает назад* (А.П. Чехов. Мой разговор с почтмейстером); *Как из земли вырастает перед ним поляк Кржевецкий, господский приказчик. Мужичонок видит его надменно-строгое, рыжеволосое лицо и холодеет от ужаса* (А.П. Чехов. Он понял).

Данная синтаксическая форма также маркирует неактуальную, абстрактную семантику. На основе уровня сформированности знаний субъекта ситуации, предполагаемых абстрактной семантикой, последняя дифференцирована на узуальную и вневременную, гномическую [27; 28]. В отличие от актуальной семантики, отражающей «конкретное единичное явление действительности, наблюдаемое в определенный момент времени» [22, с. 181], явление, наблюдаемое в узуальной семантике – «не единичное, а обычное, непрерывно длящееся или многократно повторяющееся в настоящем, прошедшем или будущем» [22, с. 181]. Помимо знаний

субъекта, полученных в результате наблюдения, анализа, обобщения или логических рассуждений, базирующихся на полученных знаниях [29], в состав узуальной семантики вводят «транспозиционную семантику временной формы» [30, с. 7], для которой синтаксисты предложили термин «переносное употребление» времени [31].

Под вневременной понимается семантика обычности, постоянности [32], обобщенности ситуации [22; 23]. Она есть «результат наивысшей степени познания социума» [25, с. 3], целиком абстрагированного от времени непосредственного наблюдения. Она материализует связи между явлениями действительности, репрезентированными не как данные «непосредственного наблюдения, а как установленные человеческим интеллектом» [22, с. 181].

Узуальное значение формы настоящего времени в нашей картотеке – следствие обычности, итеративности: *К вечеру, когда опять хватит мороз, эти соки замерзают и, расширяясь, рвут и рыхлят древесину* (М.М. Пришвин. Дорогие звери); *И каждый день сходятся, и все так: Александр веселеет, Павел хмурится, у Павла взгляд стал другой и разговор вовсе переменился* (М.М. Пришвин. Берендеева чаша). Показателем итеративности ситуации изменения в первом случае является временная конструкция *к вечеру*, во втором – *каждый день*.

Вневременная семантика в анализируемых текстах – результат обобщенности в оценке ситуации изменения: *Сосны не люди, они долго не изменяются, Алексей Федорович* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); *Все живое во время дождя так свертывается и замирает в сочувственном единстве* (М.М. Пришвин. Неодетая весна). Показателем вневременной семантики в первом высказывании является темпоральный конкретизатор *долго*, во втором – минимальный контекст.

Как уже было сказано выше, метафоризованная (переносная) семантика временной формы предиката является одной из разновидностей абстрактной семантики. Переносное значение формы настоящего времени предиката в материале из нашей выборки репрезентировано его функционированием в значении будущего времени, использованного для описания воображаемых картин: *Все, что ни делается, все к лучшему. Утром просыпаемся – снег валом валит* (М.М. Пришвин. Сметливый беляк).

Реже форма настоящего времени предиката функционирует в плане прошедшего времени: *Я сходил к парикмахеру, который постриг меня «бобриком» и, <...> когда шел в сад, чувствовал, как у меня леденеют руки и огнем пылают уши* (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Форма прошедшего времени глаголов изменения продуктивна в речевой реализации (667 примеров – 88.9%). Продуктивность данной формы объясняется тем, что события рассказа или повести произошли до момента написания текста произведения: повествуя о них, автор использовал форму прошедшего времени. Названная форма представляет актуальную семантику, предшествующую моменту речи автора. Показателем актуального прошедшего предиката является минимальный контекст: *Он **потолстел** и чуточку **обрюзг*** (А.П. Чехов. Живой товар); *Он мало **переменился**, был все такой же красивый, только похудел* (К.М. Симонов. Солдатами не рождаются); *Всё лицо его вдруг **изменилось*** (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

К актуальному прошедшему времени относим также глаголы аористического конкретно-фактического значения [23], указывающие на однократность происшедшего события, сопровождающего изменение состояния: *Спина его мгновенно согнулась, лицо его моментально прокисло, голос замер, руки опустились по швам, ноги **подогнулись*** (А.П. Чехов. Два в одном); *Он похудел, **осунулся**, стал пить* (А.П. Чехов. Жалобная книга).

Материал из нашей выборки позволил также выявить абстрактное узуальное значение прошедшего времени. Узуальное значение данной формы является следствием итеративности, поддерживаемой временными конструкциями типа *по ночам, каждый раз, время от времени* и др.: *Князь понял наконец, почему он холодел **каждый раз**, когда прикасался к этим трем письмам, и почему он отдалял минуту прочесть их до самого вечера* (Ф.М. Достоевский. Идиот); *Становилось мучительно холодно, и **по ночам** даже лепешки замерзали накрепко* (М.М. Пришвин. Путь через бездну), повторяемости, подтверждаемой темпоральными конкретизаторами *опять, снова*; *Митя с удовольствием съел тарелку щей и выпил бутылку пива, потом **опять** задремал, – глубокая усталость напала на него* (И.А. Бунин. Митина любовь); *Лицо ее **снова** исказилось, и подбородок задрожал* (К.М. Симонов. Солдатами не рождаются), или результатом воспроизведения ситуации в памяти в результате мыслительных операций говорящего: *Ты, **кажется**, растолстел, Богуслав, – у тебя одышка* (К.М. Симонов. Дни и ночи); ***Помню**: однажды осенней ночью я почему-то проснулся и увидел легкий и таинственный полусвет в комнате* (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Узуальное прошедшее время предиката характеризуется его обращённостью в будущее, маркером которого является минимальный кон-

текст или темпоральный детерминант, маркирующий ситуацию изменения, следующую после момента речи. Употребление прошедшего времени совершенного вида в контексте будущего оживляет повествование, что позволяет представить ожидаемые события как уже свершившиеся: *На каждом стволе был довольно широкий круг от расчистки коры: красный круг, это значит подрумянили сосны с целью подсокки, через некоторое время на этом румяном месте сделают усы, под усами подвешат стаканчики, и сок будет стекать* (М.М. Пришвин. Берендеева чаша); *Душечка! **Через** месяц ее маменька была уже моей тещей: так я похорошел!* (А.П. Чехов. Исповедь).

Отмечено несоответствие синтаксического времени и времени темпорального детерминанта в следующих высказываниях: *Будь другой случай, и Митя, может быть, убил бы этого дурака со злости, но **теперь** он весь сам ослабел как ребенок* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); *Одна **сейчас** проснулась и долго смотрела прямо на меня* (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Синтаксическая форма будущего времени в нашей картотеке малочастотна (22 примера – 2.9%). Она представлена как актуальной, конкретной так и неактуальной, абстрактной семантикой.

Реализуемое формой будущего времени предиката, следующее за моментом речи говорящего, грамматическое время характеризуем как актуальное, прямое: *Знатоки русской женской красоты могли бы безошибочно предсказать, глядя на Грушеньку, что эта свежая, еще юношеская красота к тридцати годам потеряет гармонию, расплывется, самое лицо **обрюзгнет**, около глаз и на лбу чрезвычайно быстро появятся морщиночки, цвет лица огрубеет, побагровеет* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); *Вы дойдете с ним до ближайшего села и спрячете его там, пока он не **выздоровеет*** (К.М. Симонов. Дни и ночи).

Узуальное будущее время представлено в случаях итеративности ситуаций: *Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими березами. Это **часто бывает**, что березы дорастут до какого-то возраста и засохнут* (М.М. Пришвин. Этажи леса).

Форма повелительного наклонения, формирующая предикативную ось ирреальных предложений, в материале из нашей выборки не является частотной (6 высказываний – 0.8%). Она реализуется только тогда, когда в позиции субъектива выступают номинанты человека: ***Проснись**, дочь моя!* (А.П. Чехов. Корреспондент); ***Манечка**, а Манечка! **Пробудись** от сна!* (А.П. Чехов. Корреспондент).

Реализуя сему 'пожелание', сослагательное наклонение непродуктивно в анализируемых текстах (5 примеров – 0.6): *Здравствуйте; у меня немного голова кружится; я плохо спал; я бы заснул* (Ф.М. Достоевский. Идиот); *Ложись спать. Ты бы тоже вздремнул, – вставая, посоветовал Сабуров Ванину* (К.М. Симонов. Дни и ночи). Причина малопродуктивности форм сослагательного и повелительного наклонений в нашем материале, по нашему мнению, связана с недостаточностью указанных компонентов в парадигме предложений изменения.

Субъективная (эпистемическая) модальность и ее отражение в высказываниях со значением изменения

Маркируя модальную рамку высказывания, субъективная модальность, о которой речь шла выше, членится, в соответствии с ее ролью в формировании модальной рамки высказывания, на внутрисинтаксическую и внешнесинтаксическую модальности [22; 34], внутреннюю и внешнюю [35].

Внутрисинтаксическая модальность – тип модальных отношений, вносящих изменения в структуру и семантику схемы. Она материализует «модальную оценку предикативного признака описываемого предмета со стороны субъекта модальности, которым может быть, как лицо говорящего, так и субъект высказывания» [36, с. 211]. Средством выражения внутрисинтаксической модальности являются модальные модификаторы – полузнаменательные модальные глаголы, прилагательные и слова категории состояния. В анализируемых текстах такими модификаторами являются лексемы типа *должен, мочь, стараться, успеть*.

Глагол *мочь* 'быть в состоянии, иметь возможность (делать что-н.)' [37, с. 368], одним из условий реализации которого является эмоциональное состояние личного субъекта, реализует значение возможности/невозможности осуществления ситуации изменения: *Непрерывный лай дикой голубой собачки в черных горах при свете полночного солнца долетал до самого Могильного и очень тревожил Антоныча, он не мог уснуть только от этого, а казалось, будто старые раны открылись и ныли* (М.М. Пришвин. Дорогие звери). На одну и ту же модальную оценку указывает лексема *успевать* 'мочь сделать что-л.', обогащая позиционной схемы высказывания семой 'вовремя': *На боровых местах белый мох до того успел высохнуть, что опасно было спичку зажечь* (М.М. Пришвин. Берендеева чаща).

Прилагательное *должен* 'обязан сделать что-н.; о том, что совершится непременно, неизбежно или предположительно' [38, с. 170] в позиционной схеме высказывания объективирует модальную оценку необходимости, неизбежности. Маркером появления потенциальной ситуации субмодуса неизбежности служит наречие *неминуемо*: *Самая же беда была в том, что бобры обросли шерстью еще только наполовину и при таком дальнем пути **неминуемо должны** были замерзнуть* (М.М. Пришвин. Серая Сова).

Другой тип субъективной модальности, объективирующий модальное отношение автора высказывания к высказываемому, не влияющий на видоизменения и означаемое структурной схемы и формирующий модальную рамку высказывания, именуется модальностью внешне-синтаксической [22]. Внешнюю модальность обозначают различные лексические средства. Прежде всего, это вводные элементы, актуализующие субъективную модальность с семой 'достоверность (уверенность/неуверенность)', вводные сочетания, а также частицы. В нашем материале это лексемы *будто* (разг.), *как будто, может быть, наверно, словно* (прост.).

Частицы *будто, как будто, словно*, занимающие позицию перед предикативом, не просто маркируют сему 'неуверенное предположение', а вносят коннотацию 'производить впечатление, представлять себя': *Небо над головой было такое черное, **словно** он ослеп* (К.М. Симонов. Дни и ночи); *Мало-помалу барс **как будто** начал ослабевать, и можно было решиться освободить одну руку и ткнуть в горло ножом* (М.М. Пришвин. Дорогие звери).

Вводные слова *Быть может, наверно* обогащают смысл высказывания семой 'вероятность, отсутствие полной уверенности': ***Наверно**, у него ноги слабели и деревенели, и тошнота была* (Ф.М. Достоевский. Идиот); ***Быть может**, старик Глоткин помрет и я получу место бухгалтера* (А.П. Чехов. Из дневника помощника бухгалтера).

Заключение

1. Структурная схема «кто/что изменяется» двухкомпонентна. Она представлена субъективом и объективом.

2. В состав глаголов, образующих данную схему, входят глаголы с переносными значениями: *белеть, гложуть, иссыхать, лысеть, морищаться, неметь, таять*, а также глаголы, относящиеся к сфере разговорной речи: *брюзгнуть, замерзать, лысеть, осунуться, перекашиваться, хрометь*.

3. Позицию субъектива представляют номинанты живых и неживых объектов: *дядя, жена,*

мамаша, отец; олень, рогац, утка, щур, муравей; лес, лилия, нога, рог, иней, снег и др.;

4. Непродуктивная форма настоящего времени реализует как актуальную, так и неактуальную семантику. Неактуальное значение формы настоящего времени представлено ее узуальной и гномической разновидностями.

5. Выявлена продуктивность в функционировании формы прошедшего времени с актуальной и узуальной семантикой. Форме будущего времени присущи актуальное и неактуальное значения.

6. Форма повелительного наклонения реализуется только при наличии в позиции субъекта номинации человека, сослагательное наклонение реализует сему 'пожелание'.

7. Лексемы *мочь, успеть* объективируют в позиционной схеме высказывания модальную оценку возможности/невозможности осуществления ситуации изменения, тогда как прилагательное *должен* реализует модальную оценку 'возможность' с потенциальным оттенком 'неизбежность'.

Список литературы

1. Lee V.S., Tumanova A.B., Salkhanova Z.K. New Approaches to a Subject of Anthropocentric Linguistics // International Journal of Environmental & Science Education. 2016. Vol. 11. № 11. P. 4716–4728.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
3. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия Российской академии наук. Серия: Литература и язык. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
5. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. 196 с.
6. Денисенко В.Н. Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 43 с.
7. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). М.: Международные отношения. 1977. 264 с.
8. Григоренко О.В. Глаголы звучания в русском языке // Русский язык в школе. 1999. № 4. С. 77–81.
9. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 272 с.
10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 607 с.
11. Япон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 303–304.
12. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Избранные труды: исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 254–294.
13. Попова З.Д. Общее языкознание. Воронеж: ВГУ, 1987. 212 с.
14. Шведова Н.Ю. Простое предложение. Основные понятия // Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 541–546.
15. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
16. Bogusławski A. O tzw. modalności zdaniowej. Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich. Wrocław: Ossolineum, 1971. Vol. 23. P. 123–128.
17. Sweetser E.E. Root and Epistemic Modals: Causality in Two Worlds // Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, February 13-15, 1982, ed. by Macaulay, Monica & Orin D. Gensler. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1982. P. 484–507.
18. Nordlinger R., Elizabeth C.T. Scope and the development of epistemic modality: evidence from ought to // English Language and Linguistics. 1997. Vol. 1. P. 295–317.
19. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Языки русской культуры, 1996. 399 с.
20. Corrigan K.P. 'What Bees To Be Maun Be'. Aspects of Deontic and Epistemic Modality in a Northern Dialect of Irish English // English World-Wide. 2000. Vol. 21. P. 25–62.
21. Nuyts J. Epistemic Modality, Language and Conceptualization. A Cognitive-Pragmatic Perspective. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2001. 425 p.
22. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 350 с.
23. Казарина В.И. Модификатор *должен*: субмодусы, условия реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14. № 4. С. 5–17.
24. Казарина В.И. Модальный предикатив «надо»: семантика, условия реализации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 13. № 1. С. 50–57.
25. Казарина В.И. Простое предложение в аспекте структурно-семантического подхода. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2017. 182 с.
26. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
27. Бондарко А.В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 210–230.
28. Бондарко А.В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 5–58.
29. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 524 с.
30. Казарина В.И. К вопросу о темпоральной семантике модификатора *должен* // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 5–21.
31. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.

32. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 621 с.
33. Казарина В.И. К вопросу о речевых видоизменениях структурной схемы «кто издает звук чем» в повестях и рассказах И.А. Куприна // V Селищевские чтения: междунар. сб. науч. тр. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. С. 182–188.
34. Казарина В.И. Внутрисинтаксическая модальность предложения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (39). Ч. 2. С. 75–78.
35. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 309 с.
36. Казарина В.И. К вопросу о модальном компоненте в содержательной структуре высказывания в поэзии И.А. Бунина // Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: Материалы Всерос. науч. конф., посвящённой 80-летию вручения Нобелевской премии писателю. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. С. 204–215.
37. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А темп, 2010. 874 с.
38. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60000 слов и фразеологических выражений / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М.: Оник, 2008. 976 с.

STRUCTURE OF UTTERANCES WITH THE MEANING OF «CHANGE» IN RUSSIAN

Ali Radhi Mashjel Al-Hasnawi, Raheem Ali Al-Foadi

The structure of utterances with the semantics of "change", which its basis is formed by a structural scheme of the simple sentence "who/what changes", is discussed. The nature of the material of study determined the choice of the descriptive method, the method of quantitative analysis with the technique of statistical processing of the research results and their comparisons and the method of contextual analysis of the statement. A lot of attention is paid to the problem of the classification of verbs of changes that form this scheme, identifying their compatibility with different nominates in the position of the subject, as well as the specifics of the functioning of temporary forms of propositional predicate. The productivity of a two-component scheme «who / what changes», represented by a subjective and objective, has been revealed.

Keywords: change; scheme, non-topical semantics, objective modality, subjective modality, intra-syntax modality.

References

1. Lee V.S., Tumanova A.B., Salkhanova Z.K. New Approaches to a Subject of Anthropocentric Linguistics. International journal of environmental & Science education. 2016. Vol. 11. № 11. P. 4716–4728.
2. Humboldt W. von. Selected Works on Linguistics. Moscow: Progress, 1984. 398 p.
3. Vorkachev S.G. The concept of happiness: conceptual and figurative components // The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. 2001. V. 60. № 6. P. 47–58.
4. Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition: Translation from English. M.: Russian dictionaries, 1996. 416 p.
5. Volokhina G.A., Popova Z.D. Syntactic concepts of the Russian simple sentence. Voronezh: VSU, 2003. 196 p.
6. Denisenko V.N. Semantic field "change" in the Russian linguistic picture of the world: Abstract of the dissertation of the Doctor of philological Sciences. M., 2005. 43 p.
7. Gak V.G. Comparative lexicology. (Based on the material of the French and Russian languages). M.: International relations. 1977. 264 p.
8. Grigorenko O.V. Sound verbs in Russian // Russian language at school. 1999. № 4. P. 77–81.
9. Ufimtseva A.A. Word in the lexical semantic system of the language. M.: Science, 1968. 272 p.
10. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M.: Soviet encyclopedia, 1969. 607 p.
11. Lyapon M.V. Modality // Linguistic Encyclopedic Dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1990. P. 303–304.
12. Vinogradov V.V. Main Issues of Sentence Syntax // Selected Works: Research on Russian Grammar. M.: Science, 1975. P. 254–294.
13. Popova Z.D. General Linguistics. Voronezh: VSU, 1987. 212 p.
14. Shvedova N.Yu. The simple sentence. The basic concepts // Grammar of the modern Russian literary language. M.: Science, 1970. P. 541–546.
15. Kobozeva I.M. Linguistic semantics. M.: Editorial URSS, 2000. 352 p.
16. Bogusławski A. O tzw. modalności zdaniowej. Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich Wrocław: Ossolineum, 1971. Vol. 23. P. 123–128.
17. Sweetser E.E. Root and Epistemic Modals: Causality in Two Worlds. Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, February 13-15, 1982, ed. by Macaulay, Monica & Orin D. Gensler. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1982. P. 484–507.
18. Nordlinger R., Elizabeth C.T. Scope and the development of epistemic modality: evidence from ought to. English Language and Linguistics. 1997. Vol. 1. P. 295–317.
19. Shatunovsky I.B. Semantics of the sentence and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics). M.: Languages of Russian culture, 1996. 399 p.
20. Corrigan K.P. 'What Bees To Be Maun Be'. Aspects of Deontic and Epistemic Modality in a Northern Dialect of Irish English. English World-Wide, 2000. Vol. 21. P. 25–62.
21. Nuyts J. Epistemic Modality, Language and Conceptualization. A Cognitive-Pragmatic Perspective. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2001. 425 P.
22. Zolotova G.A. An essay on the functional syntax of the Russian language. M.: Science, 1973. 350 p.
23. Kazarina V.I. The modifier *must*: submoduses, conditions of realization // Novosibirsk State University

vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2016. V. 14. № 4. P. 5–17.

24. Kazarina V.I. Modal predicative *It needs*: its semantics, conditions of implementation // Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics. 2016. V. 13. № 1. P. 50–57.

25. Kazarina V.I. The simple sentence from the aspect of the structural-semantic approach. Yelets: YSU named after I.A. Bunin, 2017. 182 p.

26. Vinogradov V.V. About the category of modality and modal words in Russian // Selected works: studies in Russian grammar. M.: Science, 1975. P. 53–87.

27. Bondarko A.V. Temporal localization // Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis. L.: Science, 1987. P. 210–230.

28. Bondarko A.V. Temporality // Theory of functional grammar. Temporality. Modality. L.: Science, 1990. P. 5–58.

29. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. M.: MSU, 1998. 524 p.

30. Kazarina V.I. On the issue of the temporal semantics of the modifier *must* // Tomsk state university journal of philology. 2017. № 46. P. 5–21.

31. Bondarko A.V. Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage). M.: Education, 1971. 239 p.

32. Shakhmatov A.A. The Syntax of the Russian language. M.: Educational and pedagogical publishing house, 1941. 621 p.

33. Kazarina V.I. On the issue of speech modifications of the structural scheme «who makes a sound with what» in the tales and stories of I.A. Kuprin // V Selishchevskie readings: International collection of scientific papers Yelets: YSU named after I.A. Bunin, 2016. P. 182–188.

34. Kazarina V.I. Intra-syntactic modality of a sentence // Philology. Theory and Practice. 2014. №. 9 (39). Part 2. P. 75–78.

35. Kasevich, V.B. Semantics. Syntax. Morphology. M.: “Science” The Main edition of the Eastern literature publishing house, 1988. 309 p.

36. Kazarina V.I. On the issue of the modal component in the content structure of the utterance in the poetry of I.A. Bunin // Ivan Bunin in the spiritual and cultural space of modernity: material of the All-Russian scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the Nobel Prize to the writer. Yelets: YSU named after I.A. Bunin, 2014. P. 204–215.

37. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences. Russian language Institute. V.V. Vinogradov. M.: A-Temp limited liability Company, 2010. 874 p.

38. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: about 60,000 words and phraseological expressions / Under the general editorship. prof. L.I. Skvortsov. M.: limited liability Company “Onik Publishing House”, 2008. 976 p.